

ОЛЬГА ЛУКИНОВА

КАК Я ВЫДУМАЛ ЛЮБОВЬ

Ольга Лукинова

Как я выдумал любовь

«Издательские решения»

Лукинова О.

Как я выдумал любовь / О. Лукинова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-905369-5

Книга «Как я выдумал любовь» показывает человека, который пытается разобраться, что происходит внутри и снаружи. Среди омашиненного мира и отчаяния главный герой пытается найти что-то хорошее, узнать любовь и дружбу, счастливые дни, но все чаще натывается на неудачи и непонимание, а любовь остается безответной.

ISBN 978-5-44-905369-5

© Лукинова О.
© Издательские решения

Содержание

В глубине пуховых подушек	6
Где-то на краю неба	7
Друг Джонатан	8
Обо мне несчастном	9
Бродяги	10
Возвращение	11
И снова сладкое безумие	12
Четверги – ужасные дни	13
Поиски успокоения	14
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Как я выдумал любовь

Ольга Лукинова

Просто так, пишу как пишется:

одно слово за другим

Р. Бротиган

© Ольга Лукинова, 2018

ISBN 978-5-4490-5369-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

В глубине пуховых подушек

Мы снова перешептываемся на краю ночи, все глубже погружаясь в тепло пуховых подушек, где чувствуешь себя уютно и спокойно. Под сказочные истории, выпархивающие из глубин твоей сладкой души, проходящие через красочную паутину твоих губ, я готов засыпать вечно. Я целую тебя в нос, ключицы, запястья... не открывая глаз, умоляя, чтобы ты шептала мне всякие глупости. Я безумно боялся упустить твою тень, твой аромат, твой голос, и зажмуривал глаза сильнее, не разжимая цепких объятий...

Но однажды я потерял тебя. И я знаю, мне суждено потерять тебя снова. И это будет повторяться мучительное количество раз.

Однако ты всегда возвращаешься. И не важно, сколько мне придется ждать (я все равно теряюсь во времени). Да и это не имеет значения. Теперь ничто не имеет значения. Кроме того шепота на краю ночи, где мы все глубже погружаемся в тепло пуховых подушек, где уютно и спокойно, где все льется твой манящий сладкий шепот...

Где-то на краю неба

Я открыл глаза и чарующие мгновения в стране Морфея оборвались. Мой взгляд упирался в окно, где печальным следом на небе отмечился самолет. Там же растворился и твой образ, такой же стремительный и далекий, следующий по неизвестному мне маршруту.

Я еще несколько минут провел в размышлениях, наслаждаясь ясной погодой за окном. Затем решил подняться с постели, и тут же уронил переполнившуюся пепельницу, которую как всегда оставил на прикроватной тумбе, претерпевающей кучу гадостей из-за хозяина-бездельника. Разложившийся табак, перемешанный со жжеными спичками, остался отдыхать на полу, а сам я прилег обратно, с проскользнувшей в руку сигаретой, незаметно переместившейся в уголок засохших губ. Зазвонил телефон. Я судорожно пытался определить, откуда исходил звук, надеясь, что это ты...

Прошло уже несколько дней, а ты так и не бросила мне ни слова, ни короткого гудка, ни уголька вспыхнувшей когда-то любви... а теперь я не могу найти этот чертов мобильник!

Я уже было отчаялся, как понял, что он взывал ко мне из корзины с испорченной мною бумагой, уныло выскальзывающей наружу, чтобы хоть теперь спастись от моих ужасных рук. Звонок оборвался, но трубка уже была захвачена. Я перезвонил:

– Алло. Кто это?

– До тебя невозможно дозвониться! Опять прозябаешь в своей квартире, закрывшись от всего мира?! Или ты все-таки взялся за новую работенку?

– Эм, Джон, это ты?

– А кто же еще может звонить тебе в полдень! Я скоро загляну в гости! С меня выпивка и истории о поездке!

Я даже не успел ничего ответить (даже переварить не успел), как в мой мозг уже поступали частые гудки, предвещающие мучительное начало неизвестно чего (а от Джона можно ожидать всякого). Теперь я думал, как избежать объяснений и не слишком увлекательного рассказа о моей жизни.

Друг Джонатан

И как только Джон успевал обзаводиться новой стайкой приспешников разного возраста и, вероятно, различного мировоззрения? Неужели людям нечем больше заняться в полдень понедельника?

В мою квартиру буквально ворвался цыганский табор, только лошадей не хватало, песни и пляски были. Атаманом был, конечно же, старый дружище – Джонатан. И именно ему (неизвестно в силу каких причин) я мог бы доверить жизнь, ему я выкладывал все, как есть (он точно призывал потусторонние силы на помощь).

«Табор» без особого приглашения с лестничной площадки переместился на кухню. Черт с ними, пусть веселятся – когда еще выпадет случай? А Джон (неужели у меня такой жалкий вид?) сразу провел меня в комнату и усадил в кресло, подставив непонятно откуда свалившийся стакан виски. Но виски не приходил один, у него имелась напарница, наполненная табаком и отдохновением, которая незамедлительно разбавила наши ряды. Я молча закурил, а Джон также молча снова наполнил мой стакан. Прошло минут пять. За это время мухи успели слетать на кухню до цыганского табора и принести немного веселья. Беседа началась.

Джон начал болтать без умолка. Беда только в том, что через полчаса ему надоест, и он начнет практиковаться в пытках на мне.

Из его рассказа выходило, что он напился и так никуда и не уехал. Но зато по дороге подцепил этих шумных ребят, которые сейчас неизвестно что делали с моей крохотной кухней. Надеюсь, она уже поглотила их.

Закончив описывать все прелести жизни «на дороге», он все же принялся за меня. Но что-то вдруг заставило его выдворить кухонных цыган, принеся в жертву даже вторую бутылку виски. Правда, он так же быстро одумался, как и принял это решение, поэтому бутылка осталась с нами, в отличие от толпы, шумно покинувшей квартирку.

И началось....

Обо мне несчастном

Было ощущение, что Джон просканировал меня еще на входе, а теперь оценивал в какой же части меня недотепа-работник сумел допустить ошибку. Я боялся, что он все же догадается, поэтому не позволил ему разбирать меня, перебирая каждый проводок, отсоединяя чипы и микросхемы. И тут болтать начал я, да так, что он изменился в лице.

Лицо Джона редко принимало серьезное выражение, чаще оно было блаженно счастливым, но теперь Джонатан стал задумчив, будто в голове у него свершались великие открытия. Я плел все, что было: и про квартиру, и про работу (точнее ее отсутствие), что теперь я довольствуюсь только мелкими заработками... Закончил монолог тем, что ничего не смыслю в этом мире и смыслить не хочу. Он терпеливо и со всей серьезностью дал мне закончить столь «увлекательный» рассказ, затем позволил так же молча осушить стакан, даже протянул новую сигарету... Потом он просто рассмеялся, сказав, какой я болван – и на место вернулся оптимистичный Джон с нотками безумства, которые я так любил.

Я сразу отбросил все случившееся в дальний угол, прикрыл дырявым пледом, да так и забыл на пару дней.

То есть я так и не смог признаться ему в том, что был попросту влюблен – гадко, безнадежно, безвозвратно.

Бродяги

Несколько дней мы шатались по городу, забыв о том, что где-то есть уютная квартирка, которая ожидала меня, а прикроватная тумба томилась без хозяина-бездельника, переставшего осквернять ее всяким барахлом. Пуховая подушка, хранившая еще аромат волос Оливии, лежала на кровати, нежно прикрытая тончайшей вуалью любовных утех, в то время как я и Джон выглядели как грязные бродяги, не знавшие, откуда пришли и где найдется место для ночлега.

Мы заходили в ближайшие магазины за едой, выпивкой и сигаретами, после чего продолжали ничтожное странствие. Ночевали мы на заброшенных дачах, сохранивших углы позабытых домов, на новостройках, начатых какими-то богачами, на зерноскладе, разделяя крышу с голубями... В общем, мы шатались несколько дней, стараясь выветрить всю гадость, которая успела скопиться в нас, благодаря омашиненному обществу.

Мне даже захотелось перенестись в прошлое и успеть разделить пик Одиночества и прелести жизни в диких условиях, приправленных спокойствием и размеренными мыслями. Дикая пляска настоящего так утомила меня, что я готов был даже передвигаться с цыганским табором (только не с тем, что побывал у меня в гостях).

Возвращение

Ладно, признаюсь, прошла не пара дней, а неделя. У Джона кончился отпуск и ему нужно было возвращаться к делам, а я мог дальше прозябать в своей квартирке, пописывая темными ночами за чашкой кофе (или бутылкой вина – не так уж и важно, между прочим).

Я вернулся домой. Первым делом я проверил на месте ли пуховая подушка, только затем утонул в ванной, смешиваясь с паром горячей воды.

Неожиданно раздался телефонный звонок. А я уже было позабыл адские средства цивилизации. Я выскочил, воссозданный заново из воды, и помчался на звук. Телефон обнаружился на прикроватной тумбе, ласково глядевшей на меня – вернувшегося к ней. Я не поверил этому мерзко мигающему экрану мобильного – Оливия.

Джон вернулся к работе, я – к тумбочке, Оливия – ко мне.

И снова сладкое безумие

От волнения я закурил. И не успел дым добраться до моих легких, как раздался тихий стук в дверь. Я попытался взять себя в руки, но радовался, словно щенок, ожидающий хозяина. Разве только не лаял и не лизал рук. Конечно, это была она. В своем бирюзовом платье на тонких шпильках, разрывающих мое существование с неопишуемой легкостью. Я распахнул двери, душу, объятия – она вошла.

В голове крутилось – где ты была все это время?! А губы выдавили лишь незаметное «Рад видеть». Конечно, рад! Наверное, это было написано на лице, на лбу, перечеркивало мою грудь и рассекало меня на тысячи строк. Она и так знала все это. Точно знала. Иначе не посмела бы так беззаботно и просто явиться снова. Через две недели. Две недели терзания и ожиданий.

Она закурила тоже. Тумбочка, выглядывающая из-за кровати, была на меня обижена и рассержена на Оливию, которая разбила наш идеальный союз.

Разговор с Оливией мы начали уже в кровати, вывернув простыню, скинув одеяло и разметав подушки. Она просто произнесла «я скучала», а я горячо целовал ее идеальное тело, преподнесенное мне как подарок к ее неидеальной душе. Неужели так бывает, что человек может заставить другого впасть в сладкое безумие снова и снова, просто находясь рядом и чуть приправляя настоящее искусно сплетенной паутиной лжи?

Четверги – ужасные дни

Настал тот день, когда даже тень Оливии прошмыгнула незаметно на лестничную клетку, оставляя искалеченную грудную оправляться. Всегда говорил, что четверги ужасны. Объяснения этому нет, но есть косвенные улики, указывающие на виновность четвергов в случающихся несчастьях. Хотя я часто путаюсь в днях недели, как и в числах впрочем. И я до сих пор не научился безропотно выпускать Оливию на волю, где ей самое место, подальше от моей скромной квартиры, еле наполненной чем-то действительно важным.

Поиски успокоения

Я пытался взять себя в руки. Время от времени это получалось, но ненадолго. Я понимал, что Оливия – не единственная в этом мире, и не единственная, кто у меня есть. Поэтому я отправился на поиски успокоения. Я начал растворяться в стакане виски, которое поддерживало меня на протяжении многих месяцев. Теперь оно казалось бессильным. Я – тоже. Поэтому я начал листать телефонную книгу, практически не глядя на те бесформенные каракули, что наполняли ее, перемешиваясь с сотнями цифр. Я набрал номер Дианы, пусть она будет моей второй попыткой отвлечься и прийти в себя (виски, прости, но ты не справляешься). Я закурил и набрал номер. Трубку сняли мгновенно, будто только и проводя дни в ожидании звонка какого-нибудь забулдыги:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.